

III.

Къ исторіи философскихъ кружковъ.

Умственное движеніе въ Россіи XIX в. подготовлялось и развивалось въ многочисленныхъ кружкахъ. Особенно важную роль въ исторіи русской мысли сыграли московскіе кружки 20—40 годовъ. Въ этихъ дружескихъ кружкахъ горячо усваивались и вырабатывались совокупными усилями философскія знанія и идеи. Но несмотря на выдающееся историческое значеніе этихъ московскихъ кружковъ, они далеко не могутъ еще быть названы окончательно изученными и охарактеризованными.

Главнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи указанныхъ кружковъ нужно считать мемуары и воспоминанія лицъ, принимавшихъ въ ихъ дѣятельности большее или меньшее значеніе. Мы приводимъ ниже взятыя изъ такихъ мемуаровъ свѣденія о четырехъ философскихъ кружкахъ въ Москвѣ съ 20—40 годовъ. *А. И. Кошелевъ* сохранилъ воспоминанія о кружкѣ *Дм. Веневитинова*, *К. С. Аксаковъ*—о кружкѣ *Станкевича*, *Ю. О. Самаринъ*—о кружкѣ философствовавшихъ славянофиловъ, а *Н. П. Колюпановъ*—о философскомъ кружкѣ *Нѣмчинова*.

А. И. Кошелевъ („Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы), съ семью приложеніями, 1884,

стр. 11—12, глава II, 1825 г.) рассказывает, какъ онъ сблизился съ Дм. Веневитиновы ъ и его товарищами - сослуживцами по „Архиву“ („архивными юношами“): „Въ Архивъ (Иностранныхъ дѣлъ—подъ начальство А. О. Малиновскаго) почти одновременно поступили (вмѣстѣ съ А. И. Кошелевымъ), кромѣ *Ив. Кирѣвскаго, Дм. и Алекс. Веневитиновы, Титовъ, Шевыревъ, Мельгуновъ, С. Мальцовъ, Соболевскій,* двое *кн. Мещерскихъ, кн. Трубецкій, Озеровъ* и другіе хорошо образованные московскіе юноши. Служба наша главнѣйше заключалась въ разборѣ, чтеніи и описи древнихъ столбцовъ. Понятно, какъ такое занятіе было для насъ мало завлекательно. Впрочемъ начальство было очень мило: оно и не требовало отъ насъ большой работы. Сперва бесѣды стояли у насъ на первомъ планѣ; но затѣмъ мы рѣздумали писать сказки такъ, чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми нами. Десять человекъ соединились въ это общество, и мы положили писать каждому не болѣе двухъ страницъ и не рассказывать своего плана для продолженія. Какъ между нами были люди даровитые, то эти сочиненія выходили очень забавными, и мы усердно являлись въ Архивъ въ положенные дни—по понедѣльникамъ и четвергамъ. Архивъ прослылъ сборищемъ „блестящей“ московской молодежи, и званіе „архивнаго юноши“ сдѣлалось весьма почетнымъ, такъ что впослѣдствіи мы даже поцали въ стихи начинавшаго тогда входить въ большую славу А. С. Пушкина.

Въ это же время составилось у насъ два общества: одно—литературное, а другое—философское. Первое, подъ предсѣдательствомъ переводчика „Георгій“ *С. Е. Раина* (Амфиатрова) собиралось сперва въ домѣ Муравьева (на Большой Дмитровкѣ, гдѣ помѣшалось Муравьевское военное учебное заведеніе, и гдѣ впослѣдствіи были училище проф. Павлова, дворянскій клубъ и лицей гг. Каткова и Леонтьева), а потомъ на квартирѣ сенатора Рахманова, при сынѣ котораго

Раичъ былъ воспитателемъ. Членами этого общества были *О. И. Тютчевъ, Н. В. Путьга, кн. В. О. Одоевскій, В. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, Ознобиминъ, Томашевскій, Алекс. С. Норовъ, Андр. Н. Муравьевъ* и многіе другіе. Наши засѣданія были очень живы, и нѣкоторыя изъ нихъ даже блестящи и удостоивались присутствія всѣми любимаго и уважаемаго московскаго генераль-губернатора кн. *Д. В. Голицина, Ив. Ив. Дмитріева* и другихъ знаменитостей. Тутъ изящная словесность стояла на первомъ планѣ: философія, исторія и другія науки только украдкой, отъ времени до времени осмѣливались подавать свой голосъ. Мнѣ удалось тамъ прочесть нѣкоторые переводы изъ *Эукидида* и *Платона* и отрывки изъ исторіи *Петра I*, которою тогда я съ любовію занимался.

Другое общество было особенно замѣчательно: оно собиралось *тайно*, и объ его существованіи мы никому не говорили. Членами его были: кн. *Одоевскій, Ив. Кирьевскій, Дм. Вен витиновъ, Рожалинъ* и я. Тутъ господствовала нѣмецкая философія, т. е. *Гантъ, Фихте, Шеллингъ, Овень, Гёрресъ* и др. Тутъ мы иногда читали наши философскія сочиненія; но всего чаще и по большей части бесѣдовали о прочтенныхъ нами твореніяхъ нѣмецкихъ любомудровъ. Начала, на которыхъ должны быть основаны всякія человѣческія знанія, составляли преимущественный предметъ нашихъ бесѣдъ; христіанское ученіе казалось намъ пригоднымъ только для народныхъ массъ, а не для насъ-любомудровъ. Мы особенно высоко цѣнили *Спинозу*, и его творенія мы считали много выше *Евангелія* и другихъ Священныхъ Писаній.—Мы собирались у кн. *Одоевскаго* въ домѣ *Ланской* (нынѣ *Римскаго-Корсакова* въ *Газетномъ Переулкѣ*). Онъ предсѣдательствовалъ, а *Д. Веневитиновъ* всего болѣе говорилъ и своими рѣчами часто приводилъ насъ въ восторгъ. Эти бесѣды продолжались до 14 декабря 1826 г., когда мы сочли необходи-

мымъ ихъ прекратить, какъ потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣніе полиціи, такъ и потому, что политическія событія сосредоточивали на себѣ все наше вниманіе. Живо помню, какъ послѣ этого несчастнаго числа кн. Одоевскій насъ созвалъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ, и протоколы нашего общества любомудрія“....

Скоро въ этотъ мирный кружокъ ворвалась политика....

„Очень положительно и ясно сохранились въ моей памяти жалобы на слабость Императора Александра I въ его отношеніяхъ къ Меттерниху и Арабчееву. И старики, и люди зрѣлаго возраста, и въ особенности молодежь—словомъ, чуть чуть не всѣ безпрестанно и безъ умолка осуждали дѣйствія правительства, и одни опасались революціи, а другіе пламенно ея желали и на нее полагали всѣ надежды. Неудовольствіе было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера, проведеннаго мною, 18-лѣтнимъ юношею, у внучатнаго моего брата Мих. Мих. *Нарышкина*; это былъ въ февралѣ или мартѣ 1825 года. На этомъ вечерѣ были: *Рылѣвъ*, кн. *Оболенскій*, *Пуцинъ* и нѣкоторые другіе, впоследствии сосланные въ Сибирь. *Рылѣвъ* читалъ свои патріотическія думы, а всѣ свободно говорили о необходимости—*d'en finir avec se gouvernement*. Этотъ вечеръ произвелъ на меня самое сильное впечатлѣніе; и я на другой же день утромъ сообщилъ все слышанное *Ив. Кирѣевскому*, и съ нимъ вмѣстѣ мы отправились къ *Дм. Веневитинову*, у котораго жилъ тогда *Рожалинъ*, только что окончившій университетскій курсъ со степенью кандидата. Много мы въ этотъ день толковали о политикѣ и о томъ, что необходимо произвести въ Россіи перемѣну въ образѣ правленія. Вслѣдствіе этого мы съ особенною жадностію налегли на сочиненія *Бенжамена Констана*, *Рое-Коллара* и другихъ французскихъ политическихъ писате-

лей; и на время нѣмецкая философія сошла у насъ съ перваго плана“ ¹⁾....

„Хотя въ Москвѣ ²⁾ все было тихо и скромно, однако, многіе, и мы въ томъ числѣ были крайне озабочены и взволнованы. Извѣстія изъ Петербурга получались самыя странныя и одно другому противорѣчущія. То говорили, что тамъ все спокойно, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ, то рассказывали, что открытъ огромный заговоръ, что 2-я армія (тогда армія состояла изъ двухъ отдѣловъ, одинъ находился подъ начальствомъ графа *Остенъ-Сакена*, а другой—гр. *Виттенштейна*) не присягаетъ, идетъ на Москву и тутъ хочетъ провозгласить конституцію. Къ этому прибавляли, что Ермоловъ также не присягаетъ и съ своими войсками идетъ съ Кавказа на Москву. Эти слухи были такъ живы и положительны и казались такъ правдоподобными, что Москва ѿли, вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ. Мы, нѣмецкіе философы, забыли *Шеллинга* и *комт.*, ѣздили всякій день въ манежъ и фехтовальную залу учиться верховой ѣздѣ и фехтованію и такимъ образомъ готовились къ дѣятельности, которую мы себѣ предназначали“.

„Мнѣ, юношѣ, казалось, что для Россіи уже наступалъ великій 1789 годъ ³⁾....

„Вскорѣ начали въ Москвѣ по ночамъ хватать нѣкоторыхъ лицъ и отправлять ихъ въ Петербургъ“ ⁴⁾.... „Это навело всюду и на всѣхъ такой ужасъ, что почти всякій ожидалъ быть схваченнымъ и отправленнымъ въ Петербургъ. Разказы изъ Петербурга о томъ, кого тамъ брали и сажали

¹⁾ Тамъ же, стр. 13.

²⁾ Стр. 15.

³⁾ Стр. 14.

⁴⁾ Стр. 15.

въ вѣрность, какъ содержали и допрашивали арестованныхъ и пр., еще болѣе увеличивали всеобщую тревогу“ ¹⁾....

„Мы, молодежь, менѣе страдали, чѣмъ волновались, и даже почти желали быть взятыми и тѣмъ стяжать и извѣстность, и мученическій вѣнецъ. Эти событія насъ, между собою знакомыхъ, чрезвычайно сблизили и, быть можетъ, укрѣпили ту дружбу, которая связывала Веневитиновыхъ, Одоевскаго, Кирѣевскаго, Рожалина, Титова, Шевырева и меня“ ²⁾.

„Начальникъ нашъ, Малиновскій получилъ приказаніе изъ Петербурга по случаю предстоящей коронаціи никого не увольнять въ отпускъ. Слѣдовательно, приходилось намъ (на лѣтніе каникулы) жить въ Москвѣ, и мы положили ознакомиться съ московскими окрестностями. Вслѣдствіе этого нашего рѣшенія мы постепенно посѣтили пѣшкомъ всѣ приближныя мѣстности Бѣлокаменной, и какъ всѣ прогулки совершены были нами вмѣстѣ, то онѣ также сильно содѣйствовали къ скрѣпленію нашей дружбы. Я вспоминаю о нихъ съ особеннымъ чувствомъ и знаю, что я имъ весьма многимъ обязанъ“ ³⁾.

Вскорѣ послѣ этого философскій кружокъ почти въ полномъ составѣ переѣхалъ на службу въ Петербургъ.

„Въ Петербургѣ я былъ не одинъ изъ москвичей. Кн. Одоевскій еще прежде меня переѣхалъ въ Петербургъ, женился на *О. С. Ланской* и поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, а именно въ комитетъ иностранной цензуры. Вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ къ намъ Д. В. Веневитиновъ и опредѣленъ былъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ по департаменту внутреннихъ сношеній.

¹⁾ Стр. 16.

²⁾ Стр. 17.

³⁾ Стр. 18.

Не замедлилъ переѣздомъ въ Петербургъ и В. П. Титовъ. Мы всё часто видѣлись и собирались у кн. Одоевскаго. Главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ была *уже не философія, а наша служба съ ея разными смѣшными и грустными принадлежностями*. Впрочемъ, *иногда* вспоминали старину, *пускались въ философскія* пренія и этимъ нѣсколько себя оживляли.

Вскорѣ мы были поражены большимъ горемъ. Д. Веневитиновъ при самомъ пріѣздѣ изъ Москвы былъ вытребованъ или взятъ въ III отдѣленіе Собственной канцеляріи и тамъ продержанъ двое или трое сутокъ. ¹⁾ Это его ужасно поразило, и онъ не могъ освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него сдѣланнымъ ему допросомъ. Онъ не любилъ объ этомъ говорить; но видно было: что то тяжелое лежало у него на душѣ. Въ мартѣ онъ занемогъ тифозною горячкою; около двухъ недѣль былъ боленъ, и 15 марта онъ скончался. Эта смерть насъ ужасно поразила. Мы отпѣли его у Николая Морского, и тѣло его отправили въ Москву.

Во время болѣзни Д. Веневитинова, за которымъ и днемъ, и ночью мы ухаживали, я близко сошелся съ А. С. Хомяковымъ, съ которымъ я прежде былъ только знакомъ. Съ этого времени мы стали часто видѣться, и тутъ начало той дружбы, которую прервала только кончина незабвеннаго Алексѣя Степановича ²⁾.

Кромѣ Дм. В. Веневитинова, скорѣ умеръ и другой юноша—Рожалинъ. Кошелева и Ив. Кирѣевскаго А. С. Хомяковъ уже привлекъ въ другой, имъ преимущественно образованный кружокъ—славянофильскій.

¹⁾ См. «Литература и просвѣщеніе въ Россіи», т. I, стр. 42—43.

²⁾ Стр. 21—22 (глава III, 1826—1830 гг.).

Въ „Матеріалахъ для біографіи И. В. Кирѣвскаго“ А. И. Кошелевъ упоминаеть о „кружкѣ любомудрія“ кратко ¹⁾:

„Рядомъ съ возникновеніемъ дѣятельности чисто литературной въ Москвѣ стала возникать въ это время новая умственная дѣятельность подъ вліяніемъ философіи Шеллинга. Въ 1821 г. проф. М. Г. Павловъ по возвращеніи изъ-за границы читалъ въ университетѣ и въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ лекціи о природѣ. Впечатлѣніе его лекцій было сильное и плодоносное, возбудившее въ тогдашнемъ поколѣніи москвичей сочувствіе къ философіи германской. Однимъ изъ первыхъ ея поборниковъ явился тогда питомецъ Московскаго университета, князь *В. Ѳ. Одоевскій*, собиравшій у себя небольшой кругъ молодыхъ литераторовъ во имя „*Любомудрія*“, и съ 1824 г. издававшій свою 4-хъ книжную „*Мнемозину*“, въ началѣ которой была помѣщена прекрасная статья его учителя Павлова о способахъ изслѣдованія природы ²⁾. Къ этому кругу принадлежалъ Кирѣвскій съ своими архивными сослуживцами, между которыми самую блестящею и любимую надеждою былъ Д. Веневитиновъ, „рожденный для философіи еще болѣе, чѣмъ для поэзіи“ (слова И. В. Кирѣвскаго), но по несчастію, у той и другой отнятый преждевременною неожиданною смертію“.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Ивана Васильевича Кирѣвскаго. Т. I, изданный А. И. Кошелевымъ. «Матеріалы для біографіи», стр. 8—9.

²⁾ Эта статья изложена у меня: см. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 138—148. Въ «Мнемозинѣ» она помѣщена не въ начальной I, а въ послѣдней—IV книжкѣ.

О кружкѣ *Н. В. Станкевича*, незабвенномъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, одинъ изъ его бывшихъ членовъ, *К. С. Аксаковъ* приводитъ слѣдующія любопытныя подробности въ своемъ „Воспоминаніи студентства“ (1832—1835), „День“ за 1862 г., сентября 29, № 39 и отъ 6 окт., № 40, Общій отдѣлъ.

„Еще будучи на первомъ курсѣ, познакомился я черезъ *Дмитрія Топорнина* съ Станкевичемъ, бывшимъ на II курсѣ. Когда-нибудь надѣюсь написать все, что знаю объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, но теперь я удерживаюсь воспоминаніемъ собственно студенческой жизни. У С-ча собирались каждый день дружные съ нимъ студенты его курса и, кромѣ ихъ, вышедшіе прежде нѣкоторые его товарищи, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ *Ключниковъ*; въ первый разъ также видѣлъ я тамъ *Петрова* (санскритолога) и *Бѣлинскаго*. Кружокъ Станкевича былъ замѣчательное явленіе въ умственной исторіи нашего общества. Но здѣсь объ немъ я упомяну также мелькомъ, надѣясь написать когда-нибудь сколько можно подробнѣе исторію этого кружка въ теченіи цѣлыхъ 7 лѣтъ. Въ этомъ кружкѣ выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ,—воззрѣніе, большею частію, отрицательное. Искусственность Россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на вся-

кую фразу и эффектъ; и то, и другое высказалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ, впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей. Какъ всегда бываетъ, отрицаніе лжи доводило и здѣсь до односторонности; но надобно отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя; нападеніе на претензію, иногда даже и тамъ, гдѣ ея не было, не переходило само въ претензію, какъ это часто бываетъ, и какъ это было въ другихъ кружкахъ. Одностороннѣ всего были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Пятнадцатилѣтній юноша, вообще довѣрчивый и тогда готовый вѣрить всему, еще многого не передумавшій, еще со многимъ не уравнившійся, я былъ пораженъ такимъ направленіемъ, и мнѣ оно часто было больно; въ особенности больны были мнѣ нападенія на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ.

Мое отношеніе и мое мѣсто въ этомъ кружкѣ принадлежитъ къ исторіи самого кружка, и потому до этого я здѣсь не касаюсь.—Второй курсъ въ противоположность нашему первому былъ богатъ людьми болѣе или менѣе замѣчательными. *Станкевичъ, Строевъ, Красовъ, Бодянский, Ефремовъ, Толмачевъ* принадлежали къ этому курсу.

Кружокъ Станкевича, въ который, какъ сказалъ я, входили и другіе молодые люди, отличался самостоятельностью мнѣнія, свободою отъ всякаго авторитета; позднѣе, эта свобода перешла въ буйное отрицаніе авторитета, выразившееся въ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго, слѣдовательно, перестала быть свободою, а напротивъ стала отрицательнымъ рабствомъ. Но тогда это было не такъ. Односторонность и несправедливость были и тогда, происходя, какъ невольное

слѣдствіе, отъ излишества стремленія, но это не было разъ принятою оппозиціею, которая есть дѣло—вовсе немудреное. Кружокъ этотъ былъ трезвый и по образу жизни, не любилъ ни вина, ни пирушекъ, которыя, если случались, то очень рѣдко,—и что всего замѣчательнѣе, кружокъ этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фрондёрства, ни либеральничанья, боясь, вѣроятно, той же неискренности, той же претензіи, которыя были ему ненавистнѣе всего; даже вообще политическая сторона занимала его мало; мысль же о какихъ-нибудь бѣльцахъ, тайныхъ обществахъ и проч. была ему смѣшна, какъ жалкая комедія. Очевидно, что этотъ кружокъ желалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины. Это стремленіе, осуществляясь иногда односторонно, было само въ себѣ справедливо и есть явленіе вполне русское. Насмѣшливость и иногда горькая шутка часто звучали въ этихъ студенческихъ бесѣдахъ. Такой кружокъ не могъ быть увлеченъ никакимъ авторитетомъ. Опредѣляя этотъ кружокъ, я опредѣляю всего болѣе Станкевича, именемъ котораго по справедливости называю кружокъ; стройное существо его духа удерживало его друзей отъ того легкаго рабскаго отрицанія, къ которому человѣкъ такъ охотно бѣжитъ отъ свободы, и когда Станкевичъ уѣхалъ за границу,—быстро развилась въ друзьяхъ его вся ложь односторонности, и кружокъ представилъ обыкновенное явленіе крайней исключительности. Станкевичъ самъ былъ человѣкъ совершенно простой, безъ претензіи, и даже нѣсколько боявшийся претензіи, человѣкъ необыкновеннаго и глубокаго ума; главный интересъ его была чистая мысль. Не бывши собственно діалектикомъ, онъ въ спорахъ такъ строго, логически и ясно говорилъ, что самые щегольскіе діалектики, какъ *Надеждинъ* и *Бакунинъ*, должны были ему уступать. Въ существѣ его не было односторонности; искусство, красота, изящество много для него значили. Онъ имѣлъ сильное зна-

ченіе въ своемъ кругу, но это значеніе было вполнѣ свободно и законно, и отношеніе друзей къ Станкевичу, невольно признававшихъ его превосходство, было проникнуто свободною любовью, безъ всякаго чувства зависимости. Скажу еще, что Бакунинъ не доходилъ при Станкевичѣ до крайнихъ безжизненныхъ и бездушныхъ выводовъ мысли, а Бѣлинскій еще воздерживалъ при немъ свои буйныя хулы. Хотя значеніе церкви не раскрылось еще Станкевичу, по крайней мѣрѣ, до отъѣзда его за границу, но церковь и еще семья были для него святыней, на которую онъ не позволялъ при себѣ кидаться. Станкевичъ былъ нѣжный сынъ.—Кружокъ Станкевича продолжался и по выходѣ его и друзей его изъ университета; онъ имѣлъ свой ходъ и свое значеніе въ обществѣ. Послѣ него уже пошли эти безобразныя выходки. Но несмотря на всю стройность своего нравственнаго существа, на стремленіе къ свѣту мысли, истинной свободѣ духа, равно чуждой рабства и бунта, Станкевичъ не сталъ, по крайней мѣрѣ, до отъѣзда за границу, на желанную высоту, и свобода вѣры, кажется, не была имъ достигнута.

Я увлекся; но этотъ кружокъ есть явленіе, вполнѣ принадлежащее Москвѣ и ея университету, возникшее въ ту эпоху, когда дикое буйство студенческой жизни, о которомъ доносятся отдаленныя преданія,—миновало, и когда замѣнялось оно стройною свободою мысли, еще не подавляемой форменностью“ ¹⁾.....

„На вечерахъ у Станкевича выпивалось страшное количество чаю, и съѣдалось страшное количество хлѣба.—Станкевичъ любилъ и зналъ музыку. Иногда мы пѣвали всѣмъ хоромъ; общею студентскою нашею пѣснью были стихи *Хомякова* изъ его трагедіи *Ермакъ*: „За туманною горою“ и пр.—Станке-

¹⁾ № 39, стр. 4, столбецъ III—стр. 3, столбецъ II.

вичъ былъ большой мастеръ передразнивать. Однажды, както днемъ на своей квартирѣ передразнивалъ онъ Каченовскаго, и въ это самое время *Каченовскій* проѣхалъ мимо, по улицѣ. — „Вотъ тебѣ разъ!“ сказалъ Станкевичъ, „не видалъ ли онъ?“ — „Ничего, братецъ“, сказалъ Бодянский, „онъ подумалъ, что зеркало стояло!“ — Въ тѣ года только что появлялись творенія *Гоголя*... какъ дѣйствовали они тогда на все юношество и въ особенности на кружокъ Станкевича! Во время нашего студенчества вышло *Новоселье*, альманахъ; тамъ была повѣсть Гоголя: „О томъ, какъ поссорился“ и т. д. Помню я то впечатлѣнiе, какое она произвела. Что можетъ равняться радостному сильному чувству художественнаго откровенiя? Какъ освѣжало, ободряло оно души всѣхъ! какъ само постепенное появленiе изданiй гениальнаго художника оживляло, двигало общество! Радъ я, что испыталъ и видѣлъ все это. Станкевичъ цѣнилъ очень вѣрно и тонко художественность Гоголя, особенно въ бездѣлицахъ. — Вскорѣ послѣ выхода его и моего изъ университета Станкевичъ досталъ както въ рукописи *Коляску* Гоголя, вскорѣ потомъ напечатанную въ „*Современникѣ*“. У Станкевича былъ я и Бѣлинскiй; мы приготовились слушать, заранѣе уже полные удовольствiя. Станкевичъ прочелъ первыя строки... и вдругъ нами овладѣлъ смѣхъ, смѣхъ несказанный; всѣ мы трое смѣялись, и долго смѣхъ не унимался. Мы смѣялись не отъ чего-нибудь забавнаго или смѣшнаго, но отъ того внутренняго веселiя и радостнаго чувства, которымъ преисполнились мы, держа въ рукахъ и готовясь читать Гоголя. Наконецъ смѣхъ нашъ прекратился, и мы прочли съ величайшимъ удовольствiемъ этотъ маленькiй отрывокъ, въ которомъ, какъ и въ другихъ созданiяхъ Гоголя, — и полнота, и совершенство искусства. — Станкевичъ читалъ очень хорошо: онъ любилъ и комическую сторону жизни и часто смѣшилъ товарищей своими шутками“ ¹⁾.

¹⁾ № 10, стр. 4, столбецъ II—III.

О содержаніи философскихъ преній въ кружокѣ славянофиловъ сообщаетъ весьма любопытныя детали *Ю. О. Самаринъ* въ своемъ сочиненіи „Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“, письмо 4 е отцу Мартынову, „Сочиненія“, т. VI, стр. 238—240.

„Въ 1840-хъ годахъ пріѣхалъ въ Москву, послѣ долговременнаго пребыванія въ Парижѣ одинъ изъ вашихъ собратьевъ, Іезуитъ изъ Русскихъ, притомъ Москвичъ, принадлежащій къ одной изъ лучшихъ нашихъ дворянскихъ фамилій, одинъ изъ тѣхъ, которыми, по вашимъ словамъ, гордится Россія. Разумѣется, онъ перешелъ въ латинство и вступилъ въ Іезуитскій Орденъ тайно; никто въ Россіи объ этомъ не зналъ, кромѣ одного изъ его друзей и товарищей его дѣтства.

Онъ ѣхалъ домой съ намѣреніемъ ощупать почву, узнать настроеніе разныхъ сословій и, по возможности, связать опять порванныя нити латинской пропаганды. Покойный Чаадаевъ, принадлежавшій по своему направленію къ школѣ графа Местра, обрадовался подкрѣпленію и ввелъ вашего собрата въ общество Московскихъ ученыхъ и литераторовъ. Въ то время оно распадалось на два кружка, такъ называемыхъ западниковъ и такъ называемыхъ славянофиловъ. Первый и многочисленнѣйшій группировался около новоприбывшихъ изъ-заграницы профессоровъ Московскаго университета и представлялъ собою отраженіе, въ маломъ размѣрѣ, господствовавшей въ то время, въ нѣмецкомъ ученomъ мѣрѣ, правой

стороны Гегелевой школы. Въ другомъ кружкѣ выработывалось мало по малу возрѣніе православно-русское, въ послѣдствіи выразившееся въ трудахъ, вамъ вѣроятно извѣстныхъ. Представителями его были Хомяковъ и Кирѣевскіе—(припоминая эти давнопрошедшія времена, я какъ будто брожу по кладбищу).

Оба кружка не соглашались почти ни въ чемъ; тѣмъ не менѣе, ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли какъ бы одно общество; они нуждались одинъ въ другомъ и притягивались взаимнымъ сочувствіемъ, основаннымъ на единствѣ умственныхъ интересовъ и на глубокомъ обоюдномъ уваженіи. При тогдашнихъ условіяхъ, полемика печатная была немислима и, какъ въ эпоху предшествовавшую изобрѣтенію книгопечатанія, ее замѣняли послѣдовательные и далеко не безплодные словесные диспуты. Споры вертѣлись около слѣдующихъ темъ: возможенъ ли логическій переходъ, безъ скачка или перерыва, отъ понятія чистаго бытія, черезъ понятіе небытія, къ понятію развитія и бытія опредѣленнаго, отъ *Seyn*, черезъ *Nichts*, къ *Werden* и къ *Daseyn*? Иными словами, что правитъ міромъ: свободно-творящая воля, или законъ необходимости?

Далѣе—какъ относится Православная церковь къ латинству и протестантству: какъ первобытная среда начальнаго безразличія, изъ которой, путемъ дальнѣйшаго развитія и прогресса, вышли другія высшія формы религіознаго міросозерцанія, или какъ вѣчно пребывающая и неповрежденная полнота Откровенія, подчинившагося въ западномъ мірѣ латинно-германскимъ представленіямъ и вслѣдствіе этого раздвоившагося на противоположные полюсы? Наконецъ: въ чемъ заключается разница между русскимъ и западно-европейскимъ просвѣщеніемъ, въ одной ли степени развитія или въ самомъ характерѣ просвѣтительныхъ началъ? Предстоитъ ли Русскому просвѣщенію проникаться болѣе и болѣе, не только

За то ожидаемая критика появилась таки—въ анонимной книгѣ „Разборъ физики г. Велланскаго опытной, наблюдательной и умозрительной и другихъ новѣйшихъ авторовъ, учиненный 1834 года“. Часть первая, СПб. 1834, нумер. 8 стр. (титулъ, оглавленіе—даже и II части, *не вышедшей* въ свѣтъ,—4 стр., предисловіе 2 стр.)+ текста 127 стр., на особомъ листкѣ печати, вкравшіяся въ *нѣкоторые* (?) экземпляры. Въ началѣ книги гравир. таблица съ стихотворною подписью: „Взглядъ на величіе, устройство Мірозданья Мысль смертныхъ, дѣпенить, волнуешь грудь—сердца. О! недостойны тотъ и наименованья, Кто въ немъ непознаетъ величія Творца“.

Неизвѣстный авторъ объясняетъ въ „Предисловіи“ появленіе своей книги слѣдующимъ образомъ: тщетно ожидая въ теченіе двухъ лѣтъ, чтобы кто-нибудь изъ мыслящихъ ученыхъ оцѣнилъ „Физику“ Велланскаго по существу предмета, авторъ осмѣлился самъ учинить разборъ—не въ намѣреніи оспаривать предложенія извѣстнаго въ Ученомъ свѣтѣ мужа, или съ нимъ состязаться; но единственно по сходству ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи съ „нашимъ мнѣніемъ“ и чрезъ то для поддержанія Теоріи объ Эфирѣ, отвергаемой нынѣ столь несправедливо. Но онъ готовъ охотно согласиться и съ противниками ся, если кто, кромѣ всемірнаго Эфира и его повсюднаго дѣйствія въ Природѣ, укажетъ въ ней существующаго иного Дѣятеля,—явственно поименовавъ его, не такъ, какъ по нынѣ почитаются дѣйствующими силами однѣ только ихъ дѣйствія безъ показанія ихъ Источника или Начала.—Авторъ имѣлъ уже готовую и вторую часть, но остановился изданіемъ ея до возвращенія, если можно будетъ, издержекъ, употребленныхъ на напечатаніе первой части.—Цензурована книга въ Спбурѣ 15 марта 1834 г. Цензоромъ А. Крыловымъ.

Книжка рассуждаетъ объ эфирѣ (стр. 9), о безпрестан-

ной измѣняемости его (17), о притягательной и отталкивательной силѣ (19)—по стремленію эфира къ твердымъ тѣламъ (20) и къ огню (22). Далѣе слѣдуетъ „Видъ или картина общаго движенія Эфира во Вселенной“ (25); причина притяженія привѣшенной тяжести подлѣ горы, большихъ тѣлъ меньшими и даже равныхъ равными. Далѣе авторъ разсуждаетъ о вліяніи притяженія на жидкія тѣла (30);—причина сліянія капли въ общую массу, сдавленія капли воды и округлыхъ ея сторонъ, стоянія воды въ сосудѣ при краяхъ выше, а въ срединѣ ниже, и напротивъ—ртути при краяхъ ниже, а въ срединѣ выше, причина сдѣленія воды въ сосудѣ и въ каплѣ и сферическаго ея состава; затѣмъ слѣдуетъ о приливѣ и отливѣ морскихъ водъ (42;—причина этого явленія, такъ же великихъ перемѣнъ на Юпитерѣ, всемірнаго потопа, превращенія въ 1832 г. зимы и лѣта въ угрюмую осень; можетъ ли комета когда либо столкнуться съ земнымъ шаромъ?) и о тяготѣнн, тяжести и вѣсѣ (62;—причина, почему Луна удерживается въ своей сферѣ, почему она обращена къ Землѣ всегда одною стороною, почему планеты не повинуются сему закону?). Потомъ авторъ трактуетъ о различіи вѣса и паденія тѣлъ на экваторѣ и у полюсовъ (81), о различномъ движеніи земнаго шара зимою и лѣтомъ (84), о силахъ экспансивной и контрактивной (86;—почему онѣ неправильно названы основными силами въ природѣ?) и изъясняетъ, какія въ природѣ находятся настоящія основныя силы. Это — силы *импульсивная* (117), устремляющаяся ко всему вещественному, и *репульсивная*, отталкивательная. Онѣ появились вмѣстѣ съ появленіемъ зародыша вещества тѣлъ. „По сходствѣ Физики г. Павлова съ Физикою г. Велланскаго (118) и *какъ бы заимствованному изъ нея подражанію*“ необходимо было сдѣлать имъ обзорѣніе вмѣстѣ. „Должно отдать (1) справедливость глубокимъ познаніямъ г. Велланскаго. Труды и способы, какими онъ старался

внѣшними результатами, но и самыми началами западно-европейскаго просвѣщенія или, вникнувъ глубже въ свой собственный, православно-русскій духовный бытъ, опознать въ немъ начала новаго, будущаго фазиса общечеловѣческаго просвѣщенія? Какъ отвѣчали на эти вопросы такъ называемые западники и какъ отвѣчали на нихъ такъ называемые славянофилы, объяснять нѣтъ надобности.

Въ Rue des postes № 18 вѣроятно покажется страннымъ, что люди русскіе могли, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, интересоваться подобными темами; еще невѣроятно же покажется, что люди неглухие могли такъ долго жить, и жить умственной жизнью, въ области отвлеченнаго умозрѣнія, повернувшись спиною къ вопросамъ политическимъ. Между тѣмъ это несомнѣнно. Я заявляю фактъ, заявляю его печатно, въ такое время, когда еще живы нѣкоторые изъ тогдашнихъ дѣятелей и смѣло ссылаюсь на ихъ свидѣтельство.

О политическихъ вопросахъ никто въ то время не толковалъ и не думалъ. Это составляло одну изъ отличительныхъ особенностей Московскаго учено-литературнаго общества сороковыхъ годовъ, которой не могли объяснить себѣ люди предшествовавшей эпохи. Они прислушивались и въ недоумѣніи пожимали плечами.

Вашъ собратъ принять былъ въ такъ называемый славянофильскій кружокъ съ полнымъ радушіемъ. Таить было нечего, и никому бы въ голову не пришло остерегаться. Къ тому же, его общительный характеръ и живость располагали въ его пользу и нравились всѣмъ. Онъ придирался къ Православной церкви, о которой не имѣлъ малѣйшаго понятія, сыпалъ на право и на лѣво выдержками изъ сочиненій гр. Местра и отца Розавена, проповѣдывалъ свое Парижское латинство новѣйшаго покроя открыто, свободно, ничѣмъ не стѣсняясь, и, разумѣется, безъ всякаго успѣха. Не ему было тягаться съ Хомяковымъ. Скоро онъ это понялъ и уѣхалъ

обратно въ Парижъ, не успѣвъ даже роздать какихъ-то навезенныхъ имъ чудотворныхъ медалей. Тамъ огласился его переходъ въ латинство, и сношенія его съ Москвою прервались; по крайней мѣрѣ, Москва потеряла его изъ виду“.

Наконецъ, Ниль Петровичъ *Колупановъ* въ своихъ воспоминаніяхъ „Изъ прошлаго“ („Русское Обозрѣніе“ за 1895 г., апрѣль, ст. I, стр. 532—533) рассказываетъ о почти совершенно неизвѣстномъ философскомъ кружкѣ *Нѣмчинова* (молодого студента, рано умершаго).

„Кромѣ кружка Юрьева, я примыкалъ еще къ другому, собиравшемуся около очень даровитаго, но умершаго вскорѣ послѣ окончанія курса студента, Н. А. Нѣмчинова. Это былъ кружокъ совершенно иного рода, философско-эстетическій; къ нему примыкали А. Н. Островскій и Эдельсонъ, а царилъ въ немъ А. А. Григорьевъ. Григорьевъ тогда только что выступилъ на литературное поприще и былъ гегельянцемъ самой чистой воды; поэтому говорилъ такъ мудро, что я половины не понималъ. Этого было достаточно, чтобы всѣ непосвященные считали его за кладезь мудрости. А. Н. Островскій служилъ тогда въ Коммерческомъ судѣ и писалъ своего „Банкрота“. Я помню, какъ, бывало, на вечерахъ у Нѣмчинова онъ читалъ еще не совсѣмъ отдѣланныя, отрывочныя сцены изъ своей комедіи, и критическимъ ихъ разборомъ занимались Григорьевъ и Эдельсонъ. Островскій рѣдко соглашался; истинный художникъ всегда лучше самого тонкаго критика самъ знаетъ мѣру и тонъ въ своихъ произведеніяхъ. „Банкротъ“ кончался не такъ, какъ теперь: кварталный въ концѣ пьесы приходилъ къ Подхалюзину, бралъ взятку и спокойно уходилъ; это было и эффектнѣе, и естественнѣе, но этого ужъ никакъ цензура не пропустила.

Кружокъ этотъ имѣлъ совершенно иной тонъ, нежели кружокъ, гдѣ главенствовала Юрьевъ: то былъ кружокъ чисто-литературный. Нѣмчиновскій кружокъ былъ *философскій*, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ социализма, но также теоретическаго и не стремящагося къ осуществленію; кружокъ этотъ впоследствии выступилъ ненадолго на литературное поприще, въ качествѣ молодой редакціи „Москвитянина“. Въ философскомъ смыслѣ кружокъ принадлежалъ къ числу завязатыхъ гегельянцевъ и не шелъ дальше; расколъ между приверженцами Гегеля, давно уже обнаружившійся въ Германіи, еще не дошелъ сюда, и о Фейербахѣ не имѣли никакого понятія. Соціальное броженіе, которое происходило во Франціи, отразилось въ Петербургѣ, но до Москвы оно доходило только рикошетомъ, и то въ самой слабой степени, насколько оно отражалось въ „Отечественныхъ Запискахъ“ той эпохи. Я помню, что изрѣдка мы толковали объ этомъ вопросѣ, и намъ знакомы были имена Конта и Фурье, но никому изъ насъ еще не приходила въ голову возможность перенести это мечтаніе на почву дѣйствительности. Я помню, что я даже прочелъ тогда Фурье, и что онъ сдѣлалъ на меня глубокое впечатлѣніе; легко увлекающійся, я сейчасъ же принялся за пропаганду, но не возбудилъ никакого интереса: слушатели иронизировали надъ этою теоріей, которая казалась имъ построенною на облакахъ. Провинціальная жизнь убила этотъ ростокъ, какъ весьма многое вплоть до „возврата къ умственнымъ занятіямъ“, какъ это удачно и вѣрно назвалъ А. И. Кошелевъ. Такой „возвратъ“ былъ въ ту или другую эпоху у всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которыхъ окончательно не засасывала тина обыденной жизни и восточная лѣнь, влекущая къ національному халату. Но поэтому именно я мало слѣдилъ за „Современникомъ“ шестидесятихъ годовъ и его редакцію не признавалъ своими учителями“.
